

АБИССИНЕЦ 5

— ★ — 1889 — ★ —

СЕРГЕЙ НАСОНОВСКИЙ ♦ СЕРГЕЙ ЩЕРБАТЫХ

На краю Империи (С. Насоновский, С. Щербатых)

Сергей Насоновский
Абиссинец 1889. Том 5

«Автор»

«Автор»

2026

Насоновский С.

Абиссинец 1889. Том 5 / С. Насоновский — «Автор», «Автор», 2026 — (На краю Империи (С. Насоновский, С. Щербатых))

Продолжение приключений кубанского казака Андрея Громова в 1889 году. Он добрался до русской земли. Казалось бы, самое страшное осталось позади: Сагалло, французская петля, Красное море, чужие порты и долгий путь на окраину Империи. Но Уссурийский край быстро дал понять: испытания еще не закончились. Чужая память воина из будущего уже не просто подсказывает, как выжить. Она меняет Андрея, заставляет взрослеть быстрее и помогает искать свое место в мире конца XIX века. Абиссинец — приключенческий роман, основанный на реальной истории. Мы не пишем учебник истории, но стараемся бережно относиться к эпохе. Где-то события и связи могут быть изменены ради сюжета, всё-таки это АИ. Консультант по истории казаков: Павел Андреевич Чехутов

© Насоновский С., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Операция "Бамбук"	5
Глава 2. Потерявшийся инженер	14
Глава 3. Строем в Хабаровку	22
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Насоновский, Сергей Щербатых

Абиссинец 1889. Том 5

Глава 1. Операция "Бамбук"

Илька дышал сам.

Плохо, с хрипом, короткими судорожными вдохами, но дышал. Время от времени из нее с тихим шипением выходили пузырьки, и грудь побратима приподнималась чуть свободнее.

Семен сидел рядом на корточках и смотрел то на Ильку, то на мои руки, перепачканные кровью.

— Андрюха... Ты где такому научился?

— Видел однажды, как военный лекарь это делал, — ответил я привычной полуправдой.

— Вот сейчас вспомнил.

Рыжий хотел спросить еще что-то, но лишь покачал головой.

Радоваться было рано. Трубка лишь выиграла нам время. В груди снова могли скопиться воздух и кровь, рана могла загноиться, а сама трубка — сместиться. Без доктора Илька все еще мог погибнуть.

— Ждать здесь нельзя, — сказал я. — Неизвестно, когда придет катер. Даже если люди дядьки выйдут к нам, без лекаря они ничем не помогут. Пешком с волокушей до Козловской добираться слишком долго, а по реке — часа три.

Илька приоткрыл глаза.

— В протоках... лодки есть.

— Какие лодки?

— Гольдские, обычно промысловики прячут. На берег вытащат, камышом накроют...

Возле старицы искать надо.

Семен поднялся.

— Где тут старица?

Илька едва заметно повел глазами вверх по течению.

— За косой... потом будет протока. Там гляди.

— Андрюха, ты за ним следи, — сказал Рыжий, подхватывая винчестер. — А я лодку сыщу.

И Семен исчез в тальнике.

Потянулось ожидание. Я сидел возле Ильки, придерживал трубку и считал его вдохи. Иногда побратим надолго затихал. Я тянулся проверить пульс, но грудь снова подымалась.

Прошел уже около часа, а Семена все не было.

Вдруг со стороны берега донесся треск камыша. Вдоль мелководья показалась узкая длинная лодка. Рыжий стоял в ней, упирался шестом в дно и пытался удержать посудину возле берега.

— Твою ж налево! — донеслось с воды. — Да стой ты, зараза!

Течение разворачивало лодку носом к стремнине. Семен навалился на жердь всем весом и кое-как направил ее к нам.

Я подошел и ухватился за нос.

— Нашел-таки?

— Две там было, — выдохнул Рыжий. — Камышом укрыты, как Илька и говорил. Вторая совсем махонькая, а эта вроде нас выдержать должна.

— Управляться умеешь?

— На Кубани доводилось по плавням на похожих ходить. Только там вода поспокойнее да лодки пошире. Ничего, осилим, братка.

Мы втащили лодку на галечник и застелили дно промасленной парусиной. Потом осторожно перенесли Илька на разложенный лапник, стараясь не задеть трубку.

Из схрона достали свою справу. Семен сменил изодранную одежду и перевязал порезанное предплечье. Я тоже быстро переоделся, остатки куртки и шаровары сунул в ранец. В лодку сложили и наши трофеи.

Мы уже собирались сталкивать лодку в воду, когда Илька едва слышно произнес:

— Люди.

Я схватился за винтовку.

В тальнике хрустнула ветка. Потом еще одна. Сразу с нескольких сторон послышались осторожные шаги.

— Свои! — раздался знакомый голос. — Не пальните с перепугу!

Из кустов вышел дядя Аркадий. Следом показались шестеро его людей, мокрые, грязные и вымотанные не меньше нашего.

Дядька увидел меня, выдохнул и перекрестился.

— Фух, слава Богу, живы! Мы ваш след раза три теряли. Думали, все, сгинули.

Он подошел ближе и быстро оглядел нас.

— От места взрыва мы были верстах в десяти. Пока добрались, там уже все закончилось. Кого из бандитов догнали, положили. Потом пошли по следу. Видели убитых хунхузов и варнаков, каменный завал. На камнях след потеряли, разошлись веером и только у воды снова его взяли.

Дядя перевел взгляд на лодку и замолчал.

Илька лежал бледный, губы опять отливали синевой. Из-под повязки торчала тонкая бамбуковая трубка.

— Пуля в грудь, — коротко объяснил я. — Легкое сдавило. Воздух выпустил, но без лекаря долго не протянет.

Дядька раздумывать не стал.

— Тогда не мешкаем. До Козловской по воде часа три. Если течение поможет, дойдем быстрее.

Он повернулся к своим:

— Вы остаетесь здесь, ждите катер. Если кто-нибудь из наших выйдет, передайте, куда мы пошли.

— Аркадий Игнатьевич, а вы? — спросил один из его людей.

— Я с ними.

Дядька забрался в лодку и устроился возле Ильки, придерживая его за плечи. Семен взялся за длинную жердь, а я столкнул нос с гальки.

Течение подхватило нас.

— Ну что, братцы, — выдохнул Рыжий, наваливаясь на шест. — В этот раз домой.

Семен стоял на корме, отталкивался шестом от дна и держал лодку ближе к берегу. Дядька следил, чтобы Илька лежал неподвижно, трубка не сместилась.

— Теперь докладывай, — сказал Аркадий Игнатьевич.

Я рассказал все по порядку: про гасян Ульма, ушедших вверх по протоке гольдов, оружейный склад с динамитом, взрыв и погоню.

— Блейка я застрелил, — закончил я. — Домбровского Семен задушил. Савва Руднев устроил засаду у реки, ранил Ильку и ушел через протоку.

Дядька посмотрел на Рыжего.

— Домбровский точно того?

— Точнее не бывает на этот раз, — ответил Семен. — Пока совсем дух не испустил, я его не отпускал.

Впереди начался мелкий спокойный участок. Семен достал из-за пазухи завернутый в промасленную ткань сверток, который я отдал ему перед погрузкой.

— А это при англичанине нашли.

В руки дядьки легли записная книжка Блейка, сложенная карта, телеграфный бланк и листок с перерисованными условными обозначениями. Аркадий Игнатьевич пробежал глазами несколько страниц и развернул карту на коленях. Карандашные линии тянулись от Уссури к Хунчуню, Владивостоку и дальше на юг. Возле рек и селений стояли цифры и знакомые знаки.

— Тут не один караван, — произнес он. — И Ульма не единственный склад. Переправы, связные, места выгрузки... Сеть куда шире, чем мы думали.

Дядька сложил бумаги и убрал за пазуху.

— Руднев вас видел?

— Всех троих, — ответил я.

Аркадий Игнатьевич посмотрел на лежавшего без сознания Ильку.

— Плохо. Блейк действовал по приказу, сам понимаешь, откуда. Домбровского гнала ненависть к империи, а Савва служит только себе, то бишь деньгам. Он знает русских, китайцев, хунхузов, контрабандистов и пути по обе стороны границы. Вы лишили его большой выгоды. Он захочет вернуть потерянное и расплатиться с вами.

— Найдем, — сказал Семен.

— Теперь найти его будет труднее. После сегодняшнего он станет куда осторожнее.

Впереди показалась знакомая излучина, за которой начинались козловские земли. Аркадий Игнатьевич еще раз проверил состояние Ильки и повернулся к нам:

— До пристани меньше часа. Теперь запоминайте, что станете говорить.

Официальную версию дядька изложил медленно и заставил нас повторить каждую деталь.

Мы высадились на берег по открытому поручению торгово-изыскательской партии: осматривали возможные стоянки и промеряли протоки. В лесу на нас напала шайка примерно из шести хунхузов и беглых каторжан.

В перестрелке Илька получил пулю в грудь. Мы отбились, отошли к берегу и нашли спрятанную в камыше лодку. Сколько противников убито или ранено, неизвестно. Уже после нашего отхода в глубине тайги прогремел сильный взрыв.

— Никакой Ульмы, склада, Блейка, Домбровского и Руднева, — закончил дядька. — Про бумаги тоже молчок. Доклад Петру Петровичу Эпову я сделаю сам.

Семен повторил легенду почти слово в слово, и я следом за ним.

— Почему нельзя рассказать? — спросил я. — Угроза ведь не миновала. Руднев ушел, сеть осталась.

— Именно потому и нельзя. Раскроем работу наших групп. В Лончаково и Козловской начнут гадать, кто и зачем ходил к Ульме. Потом разговоры дойдут до торговцев, приказчиков и китайского берега. К тому же где-то среди своих сидит человек, который передает сведения врагу.

— Думаете, в Лончаково? — спросил Рыжий.

— Не знаю. Он может быть в Козловской, Хабаровке, среди изыскателей или на пароходе. Пока не выясним, официально вас к Ульме не посылали. Вы по-прежнему казаки, которых взяли в помощники изыскательской партии.

— Надо «Сунгачу» как-то проверить. Они хотели ее взорвать, и вроде на пароходе есть их человек.

— Хорошо, — кивнул дядя.

Из-за поворота показалась козловская пристань. Семен направил лодку вдоль берега, несколькими толчками погасил скорость и осторожно подвел нос к сходням.

Нас заметили. На берегу закричали, к пристани побежали казаки. Один, разглядев лежавшего на дне Ильку, сразу бросился к правлению.

— За лекарем побежал, — сказал дядька. — Семен, не дай течению нас развернуть.

Рыжий упер шест в дно. Нос лодки стукнулся о край пристани. Подбежавшие казаки ухватились за борт и подтянули нас к сходням.

Вскоре появился доктор Алексей Юрьевич Балохин с саквояжем. За ним спешили двое санитаров с носилками.

Алексей Юрьевич заглянул в лодку и замер, увидев трубку.

— Это кто сделал?

— Я, — ответил я. — Воздух сдавил легкое. Он уже перестал дышать.

Ильку вытащили на берег и уложили на носилки. Балохин быстро проверил пульс и приложил ухо к груди.

— Разговоры после. Поднимать осторожно. Трубку не трогать!

Ильку понесли в станичный лазарет. Я шел рядом, придерживая повязку. У самого подъема его веки дрогнули.

— Домой... пришли? — едва слышно спросил он.

— Почти, Илька. Теперь доктор тебя поставит на ноги.

У лазарета Балохин остановил меня.

— Ступайте, молодой человек. Вы свою работу сделали, дальше мы сами.

Дверь закрылась перед самым моим носом. Изнутри сразу донеслись отрывистые распоряжения Балохина:

— Воду кипятить! Карболовый раствор сюда. Корпию, чистое белье, дренажную трубку и бутыл с водой приготовить. Живо!

Мы с Семеном остались на крыльце. Рыжий сел на ступеньку, положил винчестер между коленями, поднял руки к лицу и посмотрел на запекшуюся кровь Ильки.

— А ежели не вытянет? — спросил он.

— Вытянет.

Говорил я больше для себя. Мы довели побратима живым, но теперь от нас ничего не зависело.

Аркадий Игнатьевич долго сидеть не позволил.

— К Эпову идем.

В окружном правлении нас приняли без промедления. Петр Петрович сидел за столом в расстегнутом чекмене. Перед ним лежали какие-то бумаги.

— Садитесь, — велел он. — Мне доложили, что Морозов тяжело ранен. Что произошло?

Говорил в основном дядька. Он повторил согласованную версию, а мы с Семеном подтверждали его слова и отвечали только на прямые вопросы.

— А про взрыв вам что-нибудь известно? — спросил Эпов. — Его слышали даже на дальних займках.

— Прогремел уже после нашего отхода, — ответил Аркадий Игнатьевич. — В глубине тайги, северо-восточнее места высадки. Точное расстояние определить трудно. Судя по звуку, верстах в десяти от нас это было.

Эпов пристально посмотрел на меня.

— Что там могло взорваться?

— Не знаю, Петр Петрович. Возможно, порох или динамит. Возвращаться и проверять мы не стали: Морозов уже задышался.

— Правильно сделали.

Он задал еще несколько вопросов. Мы держались согласованной версии.

Эпов выслушал, немного подумал и придвинул к себе чистый лист.

— Пока примем так. Но произошедшее без внимания не оставлю.

Он набросал распоряжение, позвал писаря и продиктовал начисто. Овсянникову предписывалось усилить надзор на границе, увеличить число конных разъездов, проверить береговые стоянки и скрытые протоки.

Петр Петрович поставил подпись и приложил печать.

— Доставите Овсянникову лично, пакет не вскрывать. Вам выделяют двух лошадей, по приезду сдадите их в Лончаковскую конюшню.

Он перевел взгляд на Аркадия Игнатьевича.

— А вы?

— Я останусь в Козловской. Дождусь проходящего катера и все-таки доберусь до Турьего Рога.

На обратном пути к лазарету мы молчали. Солнце уже поднялось, по улицам двигались подводы, возле лавок начиналась торговая суета.

Пока ждали, один из казаков принес хлеб, холодное мясо и чай. Я поел, почти не замечая вкуса, и только тогда понял, насколько вымотался.

Балохин вышел через несколько часов. Рукава рубахи были закатаны, на переднике темнели пятна крови и карболового раствора. Выглядел доктор усталым.

Мы разом поднялись.

— Жить будет, — сказал он.

— Точно? — спросил Рыжий.

— В медицине ничего не бывает точно. Легкое повреждено, но сердце у него крепкое, дай Бог каждому. Ближайшие сутки будут тяжелыми. Постараемся не допустить осложнений.

— Пулю удалось достать. Ваш разрез пришлось немного расширить, — продолжил доктор, глядя на меня. — Через него поставили новый дренаж, а трубку опустили в бутылку с водой. Края раны обработали и частично сшили. Ввели камфору, дали обезболивающее. Теперь ему нужны покой и постоянное наблюдение.

У правления для нас уже подготовили транспорт. Дядька еще раз заставил повторить легенду и напомнил: никаких подробностей ни в дороге, ни в Лончаково.

Семен кивнул, а потом спросил:

— Аркадий Игнатьевич, вы как-то говорили, что за особо опасное поручение полагается дополнительная выплата.

Дядька медленно повернул к нему голову.

— Товарищ между жизнью и смертью лежит, а ты уже деньги считаешь?

— Так Ильке тоже доля положена. Ему сейчас лечение потребуется, потом еще восстановливаться.

Аркадий Игнатьевич смягчился.

— Все будет, Семен. За такое дело вас без награды не оставим.

Он посмотрел на нас и добавил:

— Сработали вы смело, пожалуй, даже слишком отчаянно.

— У нас другого выхода не было, — сказал я.

— Знаю. Потому и не ругаю.

Дядька проводил нас до выезда из Козловской. Мы пустили мерин в намет.

До Лончаково добрались быстро. На въезде в карауле стоял Моренченко. Он уже открыл рот для очередной шутки, но разглядел наши лица, молча проверил бумаги и пропустил.

У правления было немногочисленно, на крыльце курил Парамон. Завидев нас, он громко спросил:

— Где Морозов?

— В Козловской. Тяжело ранен, но жив. Овсянников у себя?

— У себя.

Атаман принял нас сразу. Увидев на пороге, удивленно привстал из-за стола.

— Вы? Вас ждали через десять дней! Прошло только трое суток. — Атаман окинул нас быстрым взглядом и нахмурился. — Где Илларион? И что, черт возьми, произошло?

— Морозов тяжело ранен при нападении, господин атаман. Оставлен в Козловском лазарете.

— При каком нападении? Кто напал? Где Аркадий Игнатьевич?

— Разрешите сначала передать распоряжение Петра Петровича Эпова.

Я положил перед ним запечатанный пакет и маршрутный журнал. Овсянников сорвал печать и быстро прочитал послание. По мере чтения раздражение на его лице сменялось напряженностью.

— Хорошо. Теперь докладывайте по порядку. Где высадились, кто на вас напал и что за взрыв был в тайге?

Мы повторили ту же версию, что и в Козловской. Овсянников больше не перебивал, лишь изредка задавал уточняющие вопросы.

— В какой стороне прогремел взрыв?

— К северо-востоку от места высадки. Уже после того, как мы оторвались от нападавших.

— Что именно взорвалось, видели?

— Нет, господин атаман. Морозов задыхался, поэтому возвращаться и проверять мы не стали.

Овсянников еще раз взглянул на письмо Эпова.

— Аркадий Игнатьевич где?

— Остался в Козловской. Сказал, что хочет все-таки добраться до Турьего Рога. Козловские обещали выделить сопровождение.

Атаман задержал взгляд на перевязанной руке Семена и моем простреленном рукаве.

— Добре. Коней сдайте дежурному под расписку, трофейное оружие по описи в оружейку. С ним позже разберемся. Потом отправляйтесь спать. Завтра жду в правлении.

Мы вышли из кабинета.

Семен попытался поправить сползшую повязку, сквозь ткань проступила кровь.

— Тебе к Юдинцеву, — сказал я.

— Знаю. Только сначала с конями давай разберемся.

С дежурным мы управились быстро. Он осмотрел мерин, проверил сбрую и выдал расписку. Трофейное оружие сдали по описи.

От правления направились к дому Юдинцева. Возле часовни нам навстречу попала Анна Григорьевна с корзиной, в которой лежали головки сыра.

Сначала она посмотрела на мой простреленный рукав, потом на окровавленную повязку Семена, и ее обычная насмешливость разом исчезла.

— Господи... Что с вами случилось?

Нюрка подошла к Семену и потянулась к его руке.

— Покажи.

Рыжий чуть отступил.

— Не извольте беспокоиться, Анна Григорьевна. Царапина пустяковая.

— Я сама посмотрю, пустяковая она или нет.

— Роман Васильевич посмотрит. Ему по службе положено.

Семен говорил вежливо, ни улыбки, ни привычного поклона, ни единой шуточки. Видно, продолжал играть безразличие.

Нюрка прищурилась.

— Ишь ты, какой неприступный стал. Раньше зубы скалил, а теперь, значит, так...

— Не хотел вас утруждать, Анна Григорьевна.

— Ах, он не хотел? Тогда и впредь не утруждай. Гуляй, Семен Трофимович. И к моему куреню больше не навещайся.

Она подхватила корзину и пошла в сторону торговой лавки.

Рыжий проводил ее взглядом.

— Кажись, тактика сработала.

— Сработала, — согласился я. — Только не так, как ты рассчитывал.

— Ничего ты, Андрюха, в женщинах не понимаешь.

— Это ты сейчас с окровавленной рукой стоишь и гадаешь, пустит ли тебя Нюрка когда-нибудь на баз, али нет?

— Пустит, — уверенно произнес Семен. — Куда денется?

— Смотри, как бы оглоблей не перетянула.

У дома Юдинцева мы разделились. Семен пошел показывать порезанное предплечье, а я повернул к куреню бабы Серафимы.

О моем возвращении уже успели разнестись слухи. Едва я подошел к калитке, дверь распахнулась, и на крыльцо выбежала Саша.

Она остановилась в нескольких шагах от меня, словно не веря, что я действительно стою перед ней.

— Андрей...

— Здорово была, Саша.

Она быстро пересекла двор и обняла меня. Я прижал ее к себе, чувствуя, как дрожат ее плечи.

— Заходил Парамон Сидорович и сказал, что вы вдвоем вернулись.

Саша отстранилась и сразу посмотрела на простреленный рукав.

— Тебя ранили?

— Нет, пуля только рукав задела.

Она ощупала мою руку, потом заметила засохшую кровь на манжете.

— Чья кровь?

— Ильки.

— Что с ним?

— Пуля пробила легкое и застряла под лопаткой. Балохин ее вытащил. Сказал, что Илька крепкий и должен выкарабкаться.

Саша перекрестилась.

— Господи, помоги ему.

Из куреня вышла баба Серафима, окинула меня взглядом и заголосила на весь двор:

— Да что же вы все стоите? Он с дороги, небось голодный. Саша, веди его в дом.

— В этот раз, пожалуй, не откажусь.

Саша взяла меня за руку и повела в горницу. Там усадила возле печи, поставила чай и принялась метать на стол.

— Ты хоть что-нибудь ел сегодня?

— В Козловской поел.

— Когда?

Я задумался.

— Утром, наверное.

— Значит, ничего и не ел толком.

Она отрезала хлеба, положила рядом кусок вареного мяса и налила полную кружку горячего чая.

— Ешь, сейчас еще щи погрееются.

Саша села напротив и некоторое время молча смотрела на меня.

— Ты расскажешь, что произошло на самом деле?

— Я рассказал все, что мог.

— Ясно. — В ее голосе не было обиды.

— Саша...

— Не надо. Я не стану расспрашивать, мне и так все понятно, — вздохнула она.

Саша протянула руку через стол и накрыла мою ладонь своей.

— Главное, что ты вернулся, а остальное переживем.

Домой я добрался только к вечеру. Крестный расспрашивал недолго, будто понимал, что большего все равно не добьется. После ужина я лег и проспал до позднего утра, не слыша ни голосов, ни возни домашних.

На следующий день я снова пришел в правление разбирать маршрутный журнал. Крестный уже сидел в кабинете, когда дежурный казак принес пакет из Козловской.

Овсянников вскрыл его, пробежал глазами первые строки и нахмурился.

— Вот, значит, что там рвануло. Тот самый взрыв, который слышали вы и о котором доложила команда катера.

Он начал читать вслух.

Пограничный разъезд и промысловики, привлеченные взрывом, обнаружили в глубине тайги разоренный гасян и полностью уничтоженный лагерь. Среди обломков нашли остатки ящиков из-под динамита, чугунные гранаты, взрыватели, часовые механизмы и принадлежности для установки зарядов.

Погибло несколько десятков человек: хунхузы и наши варнаки. Часть тел разметало взрывом, остальные были убиты в начавшейся перестрелке.

Обнаружены иностранные винтовочные патроны, схематические изображения телеграфной линии и планы мостов. Нашлись и наброски маршрута парохода «Сунгача».

Овсянников оторвался от бумаги.

— Думаю эти деятели готовили весь это арсенал не спроста.

Я узнавал каждую подробность. Лагерь, динамит, патроны, убитые хунхузы и варнаки — все это было нашей работой. Но я сделал вид, будто слышу о том впервые.

Крестный бросил на меня внимательный взгляд, кажись, что-то понял, но при Овсянникове промолчал.

Атаман дочитал заключительную часть донесения:

— «По предварительному заключению, взрыв произошел вследствие неосторожного обращения с динамитом при сборке взрывных устройств либо внутреннего конфликта в банде. Последующая стрельба подтверждает вторую версию».

Он положил бумагу на стол.

— Сами себя погубили. Теперь придется выяснять, остались ли у этой шайки сообщники. Когда мы вышли из правления, Степан Анисимович не спешил спускаться с крыльца.

— Значит, сами взорвались?

— Угу. — Я пожал плечами. — Написано же.

— Бумага многое стерпит, — хмыкнул крестный.

Мы уже собирались спуститься с крыльца, когда из гостевого дома выбежал Валентин Мурашкин, помощник Брежнева.

— Глеб Маркелович здесь?

— В кабинете, — ответил крестный. — Что случилось?

— Михаил Юрьевич пропал.

Степан Анисимович обернулся ко мне.

— Андрей, позови Глеба Маркеловича.

Через минуту я вернулся вместе с Овсянниковым.

— Что такое? — спросил атаман.

— Брежнев пропал, господин атаман. Вчера вечером вышел из гостевого дома и не вернулся. Постель не тронута.

— Куда он собирался?

— Не сказал. Мы думали, в правление пошел.

— Намеревался выезжать из станицы?

— Нет. После последних событий Михаил Юрьевич без сопровождения на маршрут ни за что бы не пошел.

— Кто-нибудь заходил в его комнату?

— Только я. Ничего не трогал.

Овсянников распахнул дверь правления.

— Парамон! Албазова и Гордеева ко мне.

Помощник замялся.

— Это еще не все, господин атаман.

Овсянников остановился.

— Что еще?

— Пропали маршрутные журналы, промеры и карты окрестностей Лончаково за последние два месяца.

Глава 2. Потерявшийся инженер

Овсянников на миг замер, глядя на помощника инженера.

— Все бумаги? — переспросил он.

— Все, Глеб Маркелович. Маршрутные журналы, промеры, черновые карты. Михаил Юрьевич держал их в дорожном саквояже. Теперь и саквояжа того нет.

— А личные вещи?

— Вроде на месте. Одежда, чемодан — ничего не тронуто.

Глеб Маркелович заложил руки за спину и прошелся по крыльцу.

— Ступайте в гостевой дом. В комнату Брежнева никого не пускать. Будем осматривать.

Валентин кивнул и побежал исполнять распоряжение. Почти сразу в правление явились Денис Павлович Албазов и урядник Гордеев.

Овсянников пересказал услышанное и развернул на столе карту окрестностей Лончаково.

— Брежнева последний раз видели вчера вечером. Из станицы выезжать не собирался, коня не брал. Вместе с ним исчезли все изыскательские бумаги за два месяца.

Он ткнул пальцем в дорогу на Козловскую.

— Денис Палыч, возьми четверых. Проверите тракт до первой почтовой станции, все съезды и заимки. Поговорите с проезжими.

— Сделаем, — кивнул Албазов.

— Семен Афанасьевич, на тебе берег. Осмотри пристань, лодочные навесы, старую протоку и все оморочки. Узнай, не видал ли кто ночью лодку на реке. Особливо проверь китайских работников и торговцев, которые еще не ушли за Усури.

Гордеев нахмурился:

— Думаете, его на тот берег увезли?

— Пока я ничего не думаю. Это лишь один из вариантов.

Овсянников повернулся к крестному:

— Степан Анисимович, возьми пару кубанцев и пройди крайние выселки.

Потом поднял взгляд на меня.

— Громов, раз уж здесь, бери Бирюкова и Мельникова. Втроем прочешете Гнилой лог до ключа. Проверите промоины, дальнюю тропу и старую гать.

— Так точно, господин атаман.

— Брежнев мог попасть под рухнувшее дерево, свалиться в овраг или провалиться в промоину. Мог нарваться на беглых каторжан либо хунхузов. Но если ушел по своей воле, зачем забрал все карты?

Никто не ответил. Именно бумаги делали исчезновение инженера тревожным. После всего, что творилось вокруг изыскателей, случайностью тут и не пахло.

Овсянников обвел нас взглядом.

— Если найдете след, оставайтесь на месте, а одного отправляйте сюда.

Возле правления уже собирались казаки, поднятые на поиски. Седлали лошадей, проверяли подпруги и оружие. С утра приморозило: лужи затянуло льдом, колеи затвердели, на траве и палой листве серебрился иней.

Я побежал домой, заседлал Беркута, проверил винтовку и прихватил ранец.

Семена и Прохора встретил у правления.

— Выходим на Гнилой лог, — сказал я. — Инженера ищем.

— Слыхали уже, — ответил Семен. — Странное дело, Андрюха. Ежели Брежнев сам из станицы ушел, куда же без коня-то подался?

— Вот и выясним.

Через несколько минут мы миновали крайние дворы и добрались до Гнилого лога. Коней оставили наверху, привязав к молодым лиственницам. Дальше пошли пешком, держась шагах в двадцати друг от друга.

Лог встретил нас привычной сыростью, шумом ручья и скользкими камнями. В глубоких промоинах под тонкой коркой льда еще стояла вода.

Следы боя с хунзузами попадались на каждом шагу. На стволах темнели старые пулевые отметины. Изредка встречались гильзы, возле корней я заметил торчащий из земли истлевший клочок синей китайской куртки.

Я держал берданку наготове. Разумом понимал, что лог сейчас пуст, но память о недавнем бое не давала расслабиться. За каждым валуном все равно чудилась засада.

Рыжий шел первым, по всем правилам. Осматривал землю под выворотнями, заглядывал в промоины, ощупывал надломленные ветки и время от времени опускался на корточки возле очередного следа.

У ручья он поднял ладонь.

— Тут двое проходили.

На влажной земле виднелись отпечатки мягких торбазов.

— Давно? — спросил Прохор.

Семен провел пальцем по краю следа.

— Дня три, не меньше. След оставили после оттепели, потом его морозом прихватило. Скорее всего, гольды-промысловики.

Чуть дальше попался след сапога. На первый взгляд свежий, но Рыжий быстро разобрался и с ним.

— Старый. Гляди, внутри хвоя смерзлась.

Прохор двинулся вдоль ручья к дальней тропе. Мы с Семеном взяли за правый склон: заглядывали под рухнувшие деревья, обходили ямы и овражки. В одной промоине нашли лисьи следы, возле старой гати — обрывок бечевки и затоптанное кострище.

Семен разворошил угли палкой.

— Неделя, а то и больше. Костер дождем заливало, потом морозом схватило. Явно не Брежнев.

Прохор вернулся через полчаса.

— Дальнюю тропу до ельника прошел. Пусто. Один кабан наследил, больше никого.

Мы спустились к самому ключу и прошли лог еще раз, двигаясь навстречу друг другу. Семен даже залез под нависший берег, где ручей вымыл глубокую нишу. Внутри оказались только старые звериные кости.

К полудню немного потеплело. С неба посыпалась снежная крупа, быстро сменившаяся мокрыми хлопьями. Они ложились на мох и тут же таяли.

Следов Михаила Юрьевича Брежнева в Гнилом логу не было.

В станицу мы вернулись промокшие. У правления уже теснились лошади поисковых групп, но по лицам казаков было ясно: никто ничего путного не нашел.

Овсянников встретил нас в кабинете. Перед ним лежала раскрытая карта с новыми карандашными отметками.

— Докладывайте.

Прохор вытянулся.

— Гнилой лог прошли до самого ключа. Проверили оба склона, дальнюю тропу, промоины и старую гать. Ни свежей стоянки, ни человеческих следов.

— Точно проверили?

— Дважды, — ответил Семен, снимая промокшую папаху. — Ежели Брежнев там и был, след его снегом съело.

Овсянников взял карандаш и перечеркнул на карте лог.

— Значит, ищем дальше.

Он еще не успел отложить карандаш, как в сениях загрохотали сапоги. Дверь распахнулась, и в горницу влетел Богорош. Папаха сбилась на затылок, полы чекменя были забрызганы грязью.

— Господин атаман, след нашли!

Глеб Маркелович выпрямился.

— Где?

— На западной окраине, за огородами Найденовых. Один человек шел от станицы напрямик к лесу. Судя по отпечаткам, в городских сапогах. Мы с Митькой Медведовским взяли след и прошли с полверсты.

— Куда он вывел?

Богорош стянул папаху и провел ладонью по мокрым волосам.

— Никуда. За осинником начинается каменная грива. Землю морозом схватило, сверху щебень да валуны. След там оборвался. Дальше только несколько сломанных веток, но не разобрать, сегодня ли. Ночью ветер знатный был, мог и он наломать.

— Конский след рядом есть? — спросил Овсянников.

— Никак нет. Ни колес, ни копыт. Пешком тот человек шел.

Атаман придвинул карту.

— Показывай точнее.

Богорош склонился над столом. Прохор встал рядом, и они отметили путь. Выслушав их, Овсянников повернулся к нам с Рыжим:

— Ступайте к западному выезду.

Он перевел взгляд на Прохора:

— Мельников, ты останься. Покажешь, где именно вы прошли в Гнилом логу. Надо решить, какие участки еще не проверены.

— Так точно.

— Евгений, возвращайся к своим. Возьми еще четверых и продолжайте поиск до сумерек. На камнях пройдите цепью, осмотрите обе стороны. Коли Брежнев там проходил, где-нибудь снова должен был наследить.

Овсянников снова склонился над картой.

— Чего встали? Шевелитесь, братцы. Светлого времени осталось с гулькин нос.

Мы с Семеном выбрались на крыльцо. После тепла правления холодный воздух обжег лицо. Мокрый снег почти перестал идти, только редкие хлопья еще кружились над площадью.

— Один след, говоришь, — задумчиво произнес Рыжий, застегивая ворот чекменя. — А ежели это и вправду Брежнев, куда он делся на камнях?

— Может, там его кто-то ждал.

— Без лошади?

— Мог уйти по камням, чтобы запутать след. Если в лесу его уже ждали лошади.

Семен покосился на меня.

— Тогда дело и вправду худое, ежели так.

Мы двинулись по станичной улице. К полудню колеи немного отпустило, ледяная корка под копытами ломалась с хрустом. Почти из всех труб тянулся дымок.

Не проехали мы и полусотни шагов, как из-за двора навстречу вылетел мальчишка лет десяти. Бежал, глядя не под ноги, а на какую-то штуковину в ладони. Несколько раз чуть не навернулся на скользких колесах, но всякий раз удерживался и снова принимался вертеть находку перед глазами.

На миг в его руке блеснула латунь.

Я остановил Беркута и спешился.

Небольшая круглая коробочка, откидная крышка, треснувшее по краю стекло. Стрелка внутри металась из стороны в сторону.

Компас. К гадалке не ходи.

И не какой-нибудь. Именно этот компас я не раз видел у Михаила Юрьевича. Брежнев пользовался им во время черновых промеров, когда выходил с изыскателями за станицу. Недорогой, с вмятиной на крышке, но инженер почему-то таскал его постоянно.

— Егорка! Здорово был! А ну, погодь. Где ты такую штуку раздобыл?

Мальчишка замедлил шаг и неохотно остановился. Компас сразу сжал в кулаке и спрятал за спину.

— Слава Богу, Андрей.

— Так где взял эту штуковину?

Егорка переступил с ноги на ногу и покосился на ближайший забор.

— Где взял, там больше нет.

— Нет, братка, — сказал я, подходя ближе. — Так дело не пойдет. Рассказывай, не то к атаману поведу. Он быстро объяснит, как со старшими разговаривать.

— Да чего сразу к атаману? — нахохлился Егорка. — Дядька Мишка подарил.

Мы с Рыжим переглянулись.

— Это который? — уточнил Семен.

— Дык, не из казаков он, инженер энтот.

— Ты лучше скажи, откуда дядьку Мишу знаешь.

Мальчишка помялся, потом вытащил компас и стал тереть большим пальцем треснувшее стекло.

— Да он к моей мамке жениться пришел. Мне подарок дал и мамке тоже чего-то.

Рыжий хмыкнул.

— И где он сейчас? — спросил я.

Егорка посмотрел на нас как на двух недалеких.

— Известно где, на печи отсыпается.

— Ты Семиненко будешь?

— Ну да.

Я на секунду прикрыл глаза. Полдня вся станица прочесывала овраги, промоины и берега, а пропавший инженер преспокойно дрых на печи у вдовы Семиненко.

— Тогда веди нас в гости, Егорка.

Мальчишка прижал компас к груди.

— А не отберете?

— Коли дядька Мишка и вправду подарил, не отберем. Но сперва он сам это подтвердит.

— Подтвердит, — уверенно заявил Егорка и махнул рукой. — Пойдемте. Только мамка ругаться станет. Она с утра сказала дядьку Мишку не будить, потому как ему шибко нездоровится.

— Ничего, — проворчал Рыжий, шагая следом. — Сейчас глянем. От такой хвори средство верное имеется: холодная вода и атаман Овсянников. Вмиг на ноги поставят.

Егорка повел нас в дальний конец станицы, то и дело оглядываясь: не передумали ли мы насчет компаса. Латунную коробочку он держал обеими руками, словно реликвию, и на ходу поглядывал, как под треснувшим стеклом подрагивает стрелка.

Курень Семиненко стоял ближе к околице. Небогатый, но крепко сложенный из почерневшей лиственницы. На крыше свежие заплаты из корья, у заплота сложены дрова, под навесом сушились рыболовные сети. Хозяина в доме давно не было, но женские руки не давали хозяйству прийти в упадок.

Мы привязали коней к коновязи.

Во дворе Мария Никоновна колола лучину. Женщина лет тридцати, крепкая, высокая, с выбившейся из-под платка темной прядью. Увидев сына в сопровождении двух казаков, она замерла, потом положила полено на лавку.

— Что опять натворил, сорванец?

— Ничего я не натворил! — сразу вскинулся Егорка и спрятал компас за спину.

— Здорово вечеряли, Мария Никоновна, — поздоровался я.

— Слава Богу. Чего вам?

— К вам, случаем, инженер Брежнев Михаил Юрьевич не захаживал?

Мария Никоновна на миг замерла, оглядывая нас.

— Захаживал. На печи с ночи отсыпается.

Мы с Рыжим переглянулись. Семен снял папаху, почесал затылок и тихонько присвистнул.

— Вчера приперся вдрызг пьяный, — продолжила Мария Никоновна. — На ногах еле стоял. Жениться звал, сватов грозился засылать. Я сперва гнала его со двора, а он уперся: коли не приму, уйдет в тайгу и, пока всех хунхузов не перебьет, не воротится. Все ему подвиг совершить хотелось, до того дурной был.

Она вздохнула, присела на лавку и сложила руки на переднике.

— Так-то он мужик хороший. И прежде захаживал, по хозяйству помогал. Егорке одежду к зиме справил, с инструментом разобрался.

Но вчера он совсем чудить начал. Ну не гнать же его в холодину? Решила: пуцай ото-спится да в себя придет.

— Правильно сделали, — сказал Рыжий. — А то сейчас искали бы Михаила Юрьевича по тайге и по частям.

Мария Никоновна тревожно посмотрела на нас.

— Его ведь не арестуют?

— С чего бы, Мария Никоновна? — ответил я. — Просто из-за него сегодня пол станицы на ушах стояло. Несколько групп округу прочесывали, мы только из Гнилого лога вернулись. Думали, сгинул.

— Святители небесные... — Женщина прижала ладонь ко рту. — Так он же мне ничего не сказал! Только сапоги в сених сбросил, Егорке эту штуку отдал да сразу на печь полез. Я думала, товарищи из партии знают, где он.

— Не знали, — хмыкнул Семен. — Теперь Глеб Маркелович шибко обрадуется, когда Михаила Юрьевича увидит.

Мария Никоновна поднялась.

— Обождите тут, вот прям сейчас разбужу.

Она ушла в курень и прикрыла за собой дверь. Скоро из дома донесся приглушенный разговор, затем женский окрик и глухой удар. Кажись, Брежнев спросонья свалился с печи.

Егорка потупился и принялся разглядывать компас.

— А что дядька Мишка твоей матери принес? — спросил Семен.

Мальчишка пожал плечами и махнул рукой.

— А-а... Платок какой-то. Синий, с цветами. И кулек конфет. Только мамка конфеты спрятала, сказала: пока избу не вымету, не даст.

— Справедливо, — согласился Рыжий. — Жениться Михаил Юрьевич, может, и не умеет, но к делу основательно подходит.

Минут через пять дверь распахнулась, и на крыльце появился инженер.

Выглядел Михаил Юрьевич шибко помятым. Волосы торчали во все стороны, лицо опухло, под глазами темнели круги. Рубаху он застегнул криво, промахнувшись на одну пуговицу, а поверх натянул чужой зипун, короткий ему в рукавах. На ногах были разные сапоги: один свой, второй, видать, схватил в сених не глядя.

Брежнев сощурился от дневного света и, разглядев нас, недовольно скривился.

— О, сатрапы явились. Даже одного дня отдыха не дадут.

— Михаил Юрьевич, пройдемте с нами в правление, — спокойно сказал я. — Доложимся Глебу Маркеловичу, что вы живы и здоровы. Потом уж сами решите, где и как отдыхать.

Инженер тяжело вздохнул, привалившись плечом к дверному косяку.

— А может, доложите без меня? Вы же видите: жив и здоров. Ну, почти.

— Не выйдет, — ответил Рыжий. — Мы вас всей станицей искали. Казаки в тайге до сих пор мерзнут, берег проверяют. Еще немного, и Овсянников половину округа на ноги поднимет.

— Ну пошли, коль не шутите.

Брежнев спустился с крыльца и остановился перед Егоркой.

— Ты чего компас за спину прячешь?

Мальчишка настороженно прижал подарок к груди.

— Вы же сами мне его дали, дядька Мишка.

— Дал, — после недолгого раздумья подтвердил инженер. — Раз дал, значит, твой. Только береги. Стрелку не тряси и к железу близко не подноси, не то врать начнет.

Егорка просиял и тут же пристроился за нами, но Мария Никоновна поймала сына за плечо.

— А ты куда собрался?

— Мам, я только до правления! Показать хотел, что дядьку Мишку нашли.

— И без тебя покажут. Дрова в сарай перетаскай, потом избу вымети. Забыл, что я сказала?

Егор вздохнул, проводил нас завистливым взглядом и поплелся к поленнице.

На улице Брежнев остановился, прикрыл глаза и подставил лицо холодному ветру. Свежий воздух, похоже, разбудил его окончательно, хотя походка все еще оставалась неуверенной.

— Братцы, — произнес он, — если в правлении найдется рассол, я готов признаться в чем угодно, коли потребно.

— Рассол найдется, — пообещал Семен. — А насчет признаться, то уж вам лучше знать.

Когда мы вошли в правление, Овсянников собирался отправлять новую поисковую группу. У стены стояли шестеро казаков. На столе была развернута карта, испещренная карандашными отметками.

— Господин атаман, пропажу доставили, — доложил Рыжий.

Глеб Маркелович поднял голову.

Сначала он посмотрел на меня, затем на Семена и только потом перевел взгляд на Брежнева. На несколько мгновений стало тихо.

— Всем, кроме Громова и Бирюкова, выйти, — негромко распорядился атаман. — Егор, пошли людей к поисковым группам. Скажи, инженер нашелся, пусть возвращаются.

Овсянников дождался, пока дверь закроется, и сложил руки на груди.

— Михаил Юрьевич, вы представляете, сколько людей я из-за вас поднял?

Брежнев поморщился и потер виски.

— Представляю, Глеб Маркелович. Но и вы меня поймите. Я уже четвертый месяц по этим буреломам шатаюсь, хотя должен был пробыть здесь всего два успеть. И ладно бы только работу делать. Так я еще каждый день думаю, не всадит ли мне кто пулю в лоб.

Он провел ладонью по отеку на лице.

— Извините, Глеб Маркелович. Очень надеюсь, что до Урсати эта история не дойдет.

— Не дойдет, если объясните, куда делись бумаги и что вы вчера делали в тайге.

Брежнев опустил руку и посмотрел на атамана внимательнее.

— Вы что же, обыск у меня провели?

— Провели.

— Неужто полагаете, я бумаги кому-то передаю?

— Теперь уже и не знаю, что и думать, — ответил Овсянников. — После всего случившегося я обязан проверить все варианты.

Инженер выдохнул.

— Бумаги на месте. Не переживайте. У вас гостевой дом все равно что проходной двор. Замок на главную дверь я просил поставить еще неделю назад, а там каждый день новые люди. Потому перед выходом спрятал документы под половицей возле кровати. Там одна доска поднимается.

Овсянников даже бровью не повел. Только потянулся к стоявшему на краю стола колокольчику и звякнул.

— Парамон Сидорович, — сказал он вошедшему писарю, — сходи в гостевой дом. Под кроватью инженера поднимается половица. Там должны лежать бумаги. Все сюда носи.

— Сделаю. — Парамон исчез за дверью.

— А в тайгу зачем ходили? — продолжил Овсянников.

— Хотел кедровых орехов набрать да поздней калины. Не с пустыми же руками к Марии Никоновне идти.

Семен кашлянул в кулак, пряча улыбку.

— А напились где? — спросил атаман.

Брежнев отвел глаза.

— Это уже отдельная история.

— Даже не сомневаюсь.

— В лесу встретил двух заготовителей. Они у костра сидели, чай кипятили. Разговорились. Потом один достал ханшину, выменянную у китайцев. Я лишь пригубить собирался.

— И дальше?

— Дальше выяснилось, что пригубляли мы до темноты. Заготовители ушли к своей зимовке, а я решил вернуться в станицу. Орехи где-то потерял, зато калина уцелела. По дороге подумал, что предложение Марии Никоновне откладывать больше нельзя.

— И пошли жениться?

— Именно так.

— Без сватов и в пьяном виде, — перечислил Овсянников. — Основательно вы к делу подошли, Михаил Юрьевич.

— Зато искренне, — насупился инженер.

Минут через десять вернулся Парамон. В руках он держал толстую папку с бумагами.

— Нашли, господин атаман. Все и правда под половицей было.

Овсянников развязал тесемки и просмотрел содержимое: маршрутные журналы, несколько листов с промерами, черновые карты. Убедившись, что бумаги целы, Глеб Маркелович закрыл конверт и отложил его на край стола.

— Михаил Юрьевич, впредь сообщайте караульным, где вас искать. Даже если собрались жениться, напиться или в тайгу за ягодами либо грибами пойти. Поняли?

— Понял.

— И голову Марии Никоновне попусту не морочьте. Она вдова, мужская рука в хозяйстве ей не помешала бы. Но она казачка. Пообещаете жениться, а потом отмахнетесь. У нас так не принято.

Брежнев выпрямился и даже попытался пригладить волосы.

— Да я чего? Баба она справная. Я же всерьез ей жениться предлагаю, а она все ни в какую.

— Тогда напор поубавьте и поступайте по нашим правилам. Сватов засылайте, со старшими поговорите. Глядишь, и сладится.

Брежнев оживился:

— Думаете, согласится?

— Я не сваха, то уж сами выясняйте.

— Добре, Глеб Маркелович.

— И не «добре». Чтобы больше из-за ваших сердечных дел я три десятка казаков по тайге не гонял. Ступайте. Я вам не начальник, отчет перед Урсати держать станете сами, но впредь думать извольте.

Брежнев взял со стола папку и направился к двери. Уже на пороге обернулся:

— А насчет Урсати...

— Ступайте, Михаил Юрьевич, пока я не передумал.

Инженер удалился, сопя себе что-то под нос.

Овсянников посмотрел на нас с Семеном.

— Кто станет спрашивать, скажите, что Брежнев нашелся живым и невредимым. Подробности можете не рассказывать.

— Глеб Маркелович, — Рыжий широко улыбнулся, — так, думаю, к вечеру и без нас вся станица знать будет.

Атаман устало потер переносицу.

— К вечеру...? Полагаю, наши кумушки уже по дворам понесли эту историю.

Как выяснилось, он почти угадал. На следующий день Михаил Юрьевич собственноручно поставил на дверь гостевого дома тяжелый врезной замок. А историю с женихом на печи вспоминали еще долго. Особливо старался Егорка: таскал подаренный компас на ремешке поверх полушубка и уверял погодков, будто вырастет и станет инженером. Еще он доказывал, что синяя стрелка показывает в сторону Хабаровки, а красная — на Владивосток.

Через седмицу стало по-зимнему холодно. Морозы крепчали, на Уссури появились широкие белые забереги. Тихие протоки лед уже сковал, хотя по фарватеру пароходы и катера еще проходили.

Я колол дрова, собираясь затопить баню, когда во двор вошел крестный. Глянув на него, сразу понял: принес новости. Я всадил топор в колоду и подошел.

— Письмо держи от Ильки. А это, — он поднял второй конверт, — распоряжение окружного начальства о большом войсковом смотре в Хабаровке.

Глава 3. Строем в Хабаровку

Первым делом я развернул письмо Ильки. Лист был исписан крупным, неровным почерком. Местами буквы сбивались, видать, писать ему было непросто. Внизу стояла короткая подпись: «Илларион Морозов».

— Давай вслух, — попросил крестный. — Мне тоже интересно, как там наш гольд выздоравливает.

— «Здорово был, анда Андрей. И Семену доброго здравия. Пишу из Козловского лазарета. Доктор Алексей Юрьевич говорит, что теперь можно не опасаться за мою жизнь. Поврежденное легкое расправилось и работает, хоть пока не так хорошо, как здоровое. Дренаж вынули третьего дня. Дышать стало легче, только глубоко вдохнуть пока не выходит и от кашля больно».

Степан Анисимович облегченно выдохнул и перекрестился.

— Слава Богу.

А я продолжил:

— «Вставать мне покуда не разрешают. Сказали лежать еще не меньше седмицы, а там понемногу начнут поднимать. Если не будет жара и воспаления, через две или три недели отпустят долечиваться в гасян. Андрей, спасибо за то, что сделал там, на берегу. Алексей Юрьевич говорит, что без той бамбуковой трубки я бы до Козловской не доехал. И Семену тоже спасибо передай: не бросили, вынесли меня. Анда своих не оставляет, я это знаю, но все равно никогда не забуду. Когда в гасян вернусь, дедушка проведет благодарственный обряд. Духи дали мне вторую жизнь, а значит, использовать ее следует с умом.

Передавайте поклон Степану Анисимовичу, Пелагее Александровне, Олегу и Саше. Твой анда Илларион Морозов».

Я опустил письмо.

Крестный некоторое время молчал, потом провел ладонью по усам.

— Видал, Андрей? Говорил же, что крепкий он. Нашего Ильку простой пулей не возьмешь. — Крестный протянул руку. — Дай-ка письмо.

Степан Анисимович сам пробежал глазами по строкам и вернул мне лист.

— Хорошо. Как в следующий раз пойдет оказия в Козловскую, напиши ему ответ.

— Конечно, напишу, — сказал я, складывая письмо. — А что там со вторым?

— Его лучше с атаманом прочитать. Вестовой передал оба письма, кое-что объяснил на словах. А второе, не только тебя касается.

Мы быстро добрались до правления. В кабинете первым делом рассказали Овсянникову о письме Морозова. Он сам попросил взглянуть на него, после чего крестный протянул атаману второй конверт. Глеб Маркелович взял нож, аккуратно поддел сургуч и развернул лист.

— Ого. Дождались, значит, — произнес он, пробежав глазами первые строки. — Так. Пишут: «По распоряжению окружного атамана Козловского станичного округа Петра Петровича Эпова, в ознаменование образования самостоятельного Уссурийского казачьего войска и для проверки строевой и конной выучки, а также подготовки казаков приговорительного разряда предписывается сформировать окружную делегацию и прибыть в Хабаровку на большой войсковой смотр...»

Крестный тихо присвистнул.

— В Хабаровку, значит. Ну, я так и думал.

Овсянников скользнул по нам взглядом и продолжил:

— «Представить реестровых казаков для пешего и конного смотра, выставить пластунов для разведочных испытаний. От приговорительного разряда направить победившую на окружном смотре команду в полном составе».

Он положил бумагу на стол.

— Когда выступать? — спросил я.

— До смотра две седмицы.

На следующий день перед правлением собрались казаки приговорительного разряда,десятники, урядники и старики. Овсянников положил перед собой распоряжение Эпова и начал формировать лончаковскую часть окружной делегации.

Старшим над всем отрядом Козловского округа назначался сам Петр Петрович Эпов. Лончаковской частью командовал Глеб Маркелович. Ведомости, довольствие и фураж брали на себя козловские.

Основную группу составляли двадцать четыре реестровых казака: по дюжине от Козловской и Лончаково. Часть должна была участвовать в пешем смотре и проверке владения оружием. Для конного смотра отбирали лучших всадников на самых выученных лошадях. Раз назначены еще и разведочные испытания, выходило, будут смотреть пластунов.

Глеб Маркелович сам зачитывал фамилии, а Парамон вносил их в список. Знаменосцем Козловского округа назначили Матвея Тарасова, и к нему прикрепили двух ассистентов, то бишь по казачьи хорунжего и подхорунжих (не путать с офицерским и унтер-офицерскими чинами). За передовой дозор отвечал Албазов, за тыловой — Белозеров. Завьялову поручили боковое охранение и проверку мест ночевки. Двое казаков из Козловской шли при обозе.

— Знатная компания собирается, — сказал Семен, стоявший возле двери. — А меня, выходит, куда?

Овсянников поднял на него глаза.

— Бирюков, прикрепляешься к Албазову.

— А на смотр?

— Если понадобится, покажешь пластунскую выучку. На месте видно будет.

— Добре, — ответил Семен.

Прохора Мельникова назначили старшим нашей пятерки. Его заместителем стал Сашка Меренский. Митьке Медведовскому поручили наблюдение, определение расстояний и составление простейшей схемы местности. Бортенев отвечал за стрельбу из винтовки, перевязку и вынос условно раненых. За мной оставались револьвер, ножевой бой и все, что пойдет не по плану, из винтовки-то я тоже могу кой чем удивить.

Всего с обозными, коноводами, доктором и людьми при окружном начальстве выходило около четырех десятков.

Оставшееся до выступления время пролетело быстро. Подготовку пятерки мы не прекращали ни на день. Прохор отрабатывал с нами команды и распределял обязанности. Меренский как его заместитель должен был сразу принять руководство, если старший выбывал. Медведовский ежедневно определял расстояния и проверял себя шагами. Бортенев брал у Юдинцева уроки помощи раненым и тренировался перевязывать нам руки, ноги и головы. Впрочем, доставалось не только нам.

Я стрелял из револьвера и отрабатывал ножевой бой. Овсянников устраивал внезапные тревоги, а Степан Анисимович изо дня в день заставлял нас повторять одни и те же упражнения, пока руки не начинали делать все сами.

— Теперь уже и вправду дом, — сказала Саша, войдя внутрь.

Мы стояли в горнице строящегося куреня. Плотники уже вставили оконные рамы, печь была готова, двери навесили. Из больших работ оставались заплот и ворота.

Я отсчитал пять рублей и положил ей в ладонь.

— Узнай у нашего плотника сможет ли сработать нам стол, кровать, лавки. Ты будущая хозяйка, тебе и решать, что куда ставить.

— Андрей, это же большие деньги...

— Большие не большие, а обустраиваться надо. Если запросит больше, скажешь.

Саша спрятала серебро и тут же напомнила:

— В Хабаровке купи темно-зеленого сукна и желтого на лампасы, фланели на теплое исподнее, крепких ниток и пуговиц. Там выбор всяко больше, чем в Козловской.

Она помедлила и протянула мне несколько рублей.

— А если получится, возьми мне синего сукна на зимнюю кофту и хорошей фланели на подкладку.

Я отвел ее руку.

— Саша, убери. Для будущей жены я и сам куплю, что нужно. Не обижай меня.

Саша вздохнула и улыбнулась.

— Ну коль так, гляди, чтобы сукно гожее было. А то подсунут такое, что только на попону сгодится.

— Будь покойна. Попрошу знающих людей выбрать.

Я проводил ее до куреня бабы Серафимы.

— Береги себя, Андрей.

— Постараюсь, — ответил я.

— Возвращайся скорее. Я, глядишь, и все для дома заказать успею.

Саша перекрестила меня.

— Ну тогда с Богом, Ангела хранителя тебе в дорогу.

Я слегка приобнял ее и осторожно поцеловал в лоб. От этих простых слов на душе стало теплее.

А у правления меня дожидался Рыжий. Нам велели зайти и разобраться с трофеями. В кабинете Овсянникова лежало оружие, ранее сданное нами по описи: две берданки и английский «Ли-Метфорд», снятый мною с Блейка.

Глеб Маркелович поднял английскую винтовку и нахмурился:

— Это что же выходит, теперь хунхуз у нас с такими винтовками по тайге бегают?

— Видать, из той партии, что рванула в гольдском гасяне, — ответил я как можно спокойнее.

Овсянников посмотрел мне в глаза.

— Ну-ну. Возможно, и так.

Он расписался в журнале и передал винтовку мне.

— Андрюха, — сразу оживился Семен, — давай я тебе свою берданку и серебром еще добавлю?

— Нет, Сема, такая корова нужна самому. У тебя вон «Винчестер» имеется.

— Это да, но он накоротке хорош.

— Не горюй, и дальнобойной разживешься. Пока тебе уставной берданки хватит.

Сема вздохнул и кивнул.

Одну берданку мы решили оставить Ильке: его переделка годилась больше для охоты. Вторую забрал Семен. Оружия у него выходило с избытком, и трофейную он подумывал продать в Хабаровке.

Накануне выступления атаман передал станичные дела Степану Анисимовичу вместе с ключами от правления, печатью, документами и журналом выходов инженеров. Велел особо следить за ледоставом, поставить дополнительные пикеты возле Гнилого Лога и на берегу.

Козловские появились на следующее утро. Их передовой дозор вышел к Лончаково еще на рассвете, а вскоре на тракте показалась основная колонна. Впереди ехал Петр Петрович Эпов. За ним двигались казаки, знаменосец с древком в чехле и окружной писарь. Обозные

подводы везли фураж, провизию на всех и прочее походное имущество. В хвосте колонны шли несколько заводных лошадей.

Овсянников встретил окружного атамана. Начались перекичка лончаковских, проверка оружия и распределение по походному строю.

Козловские едва успели отдохнуть, как с тракта донесся топот копыт. В Лончаково вошел отряд из Платоно-Александровской. Впереди ехал старший урядник, за ним два десятка казаков и подвода с припасами.

Среди прибывших я сразу приметил знакомое лицо.

— Виталий Андреевич!

Поправко повернул голову и расплылся в улыбке.

— Андрей! Гляди-ка, как возмужал. Сразу и не признать!

Он спешился и крепко обнял меня. Пока мы говорили о службе, к нам подошел Рыжий.

— Знакомьтесь. Виталий Андреевич Поправко. С ним я добирался от Владивостока до Ханки, и приютил он меня, было дело. А это Семен Бирюков, мы вместе защищали Сагалло.

Они обменялись рукопожатием.

— Слышал про тебя, — сказал Поправко. — Громов рассказывал, что ты пластун.

— Есть такое.

Виталий Андреевич посмотрел на его «Винчестер».

— В дозоре идешь?

— А куда ж меня еще? — улыбнулся Рыжий.

— Тогда, глядишь, и сработаемся.

Пока все готовились к выдвиганию, Поправко с Семеном успели обойти подводы, проверить упряжь и обсудить что-то свое. Вернулись уже как старые знакомые.

— Не брехал ты, Андрей, — сказал Поправко. — Бирюков и вправду службу знает.

— Ежели еще хвалить продолжите, я так и совсем зазнаюсь, — ответил Рыжий.

Эпов, Овсянников и старший Платоно-Александровского отряда, вахмистр Николай Николаевич Сухотин, прошли в правление. Пока начальники решали порядок движения, казаки проверяли выюки и распределяли припасы по подводам. Мы с Семеном помогли Поправко устроить мерина у коновязи, а потом втроем отошли к краю площади.

— Долго что-то они там толкуют, — заметил Рыжий, поглядывая на окна правления.

— Народу много, — ответил Поправко. — Ежели заранее порядок не установить, на первом же переходе начнется неразбериха.

Вскоре дверь отворилась. Первым на крыльцо вышел Эпов, следом Овсянников и Сухотин. Глеб Маркелович оглядел площадь и скомандовал:

— Строиться! Станичным учебным командам встать отдельно!

Мы быстро заняли отведенные места. Когда разговоры стихли, вперед выступил Эпов.

— Слушать порядок движения! Общее командование сборным отрядом принимаю на себя. Каждая станичная команда остается под своим командиром и получает распоряжения через него.

Он обвел строй взглядом.

— Обозы идут совместно. Походное охранение выставляем общее, от всех прибывших отрядов. Передовой, тыловой и боковые дозоры подчиняются назначенным старшим независимо от станицы. При тревоге действуем сообща, сигналы для всех едины.

Овсянников развернул список и начал называть фамилии. Албазова и Бирюкова определили в передовой дозор от Лончаково, Поправко — от Платоно-Александровской команды.

Строй распустили, а через час из нашей станицы выступило около семидесяти человек.

Перед выходом я еще раз проверил снаряжение. За плечом висела берданка, а тщательно вычищенный «Ли-Метфорд» был оставлен на этот раз дома, на поясе — револьвер в закрытой кобуре и подаренный Архиповыми бебут.

Первыми ушли передовые дозорные. Среди них были Семен, Поправко, Албазов и еще несколько опытных казаков от разных команд. Следом двигались Эпов, Овсянников, Сухотин и другие старшие. За ними попарно вытянулись реестровые казаки, команды приготовительного разряда и обоз. Белозеров отвечал за тыловое охранение.

Беркут явно застоялся без дела и то и дело норовил обогнать коня Прохора.

Рыжего я видел лишь изредка: он подъезжал к колонне, что-то докладывал Овсянникову и снова уходил вперед. Ближе к вечеру мы миновали безымянную протоку.

К сумеркам впереди показались крыши Венюкова. На въезде нас встретил урядник с несколькими казаками. Чуть погодя от станицы подъехала еще пятерка венюковских, среди которых я сразу узнал братьев Архиповых. Ермолай и Дмитрий спешили, оглядели прибывшую колонну и двинулись ко мне.

— Андрей! — громко окликнул Ермолай. — Здорово вечерял!

— Слава Богу, братцы, но какой вечерял, не до этого пока.

— И это решим! Ты тоже в Хабаровку на смотр собрался? — спросил Дмитрий.

— Так точно. И вы, как погляжу, готовитесь.

— А как же, — улыбнулся он. — Давай к нам на постой.

— Меня со своей командой разместить должны, — возразил я. — Как старшие распорядятся.

— Со старшими мы потолкуем, — отрезал Ермолай. — Разве обычая не знаешь? Коли у казака здесь родня или близкие люди, никто его за отдельный постой не осудит. А ты для нас не чужой будешь.

— Отказываться и не думай, — поддержал брата Дмитрий. — Вещи к нам отнесешь и ночевать останешься. Ежели своим понадобишься, сходишь, дела решишь и вернешься.

— Добре, — согласился я. — Коли старшие отпустят, спорить не стану.

— Никуда они не денутся, — уверенно заявил Ермолай. — Сейчас потолкуем с урядником, чтобы сразу записал тебя за нашим двором.

Размещением прибывших занялись венюковские урядники. Эпова, Овсянникова, Сухотина пригласили к себе станичные старшины. Реестровых казаков разобрали по курениям родственники, друзья и сослуживцы. Нашей команде приготовительного разряда выделили гостевой дом.

Меня поначалу тоже внесли в тот список, но Архиповы тут же перехватили распоряжавшегося постоем урядника. После недолгого разговора тот вычеркнул мою фамилию и приписал: «На постой к Архиповым».

Мой ранец и остальное добро братья забрали к себе во двор. Сам я пока остался с командой: требовалось помочь устроиться, разобрать места и дожидаться дальнейших распоряжений.

Лошадей распределили по дворам и конюшням, а обоз поставили возле амбаров под караул.

Едва мы перенесли вещи в гостевой дом, к нам потянулись венюковские парни из приготовительного разряда. Сперва спокойно познакомились и присматривались друг к другу, потом пошли обычные подначки.

— Слыхали мы, козловские только на бумаге хорошо стреляют, — сказал плечистый Федот. — А как до дела доходит, кладут пули в белый свет как в копеечку.

— Зато, сказывают, ваши верхом ездят так, будто мешки с мукой к седлам примотали, — ответил Меренский.

— Наши в разведке любого козловского за пояс заткнут.

— Сперва найдите тот пояс, — хмыкнул Митька. — А то мимо пройдет и не заметите.

Спорили, чей округ лучше стреляет, ездит верхом и действует в разведке. Потом вспомнили килу.

— Весной сыграем округ против округа, — предложил Прохор. — Козловский против Казакевичевского. Тогда и выясним, кто чего стоит.

— Сперва на плацу разберемся, — усмехнулся Федот. — После можно и киллой поспорить.

— По рукам, — ответил Прохор.

На том спор и завершился.

Архиповы приняли меня не как постояльца, а как старого друга. Беркуту отвели свободный денник, задали овса и сена. Меня накормили горячими щами и рыбным кругликом. Стася сидела напротив, расспрашивала о Лончаково и никак не могла наговориться. Долго не засиживались. Мне постелили на печи, и после промозглого перехода это место показалось барскими хоромами.

Утром отряд заметно вырос. К нам присоединились венюковские строевые казаки, местный приготовительный разряд, станичный урядник и две подводы Казакевичевского округа. Вместе с ними в Хабаровку ехали и братья Архиповы.

Из Венюкова выступили на рассвете. Передовой дозор усилили местными казаками, хорошо знавшими дорогу до Гленовской и переправу через Хор. Обозы соединили, но каждая станичная команда держалась отдельно. Общее руководство по-прежнему оставалось за Эповым.

Поначалу шли ходко, чередуя шаг с легкой рысью, однако вскоре дорога испортилась. Тракт нырял в низины, тянулся по шатким гатям и огибал заболоченные места. Подводы то и дело проваливались колесами в глубокие колеи. Казакам приходилось спешиваться, подталакивать телеги плечами или вытягивать их запасными лошадьми.

К Хору подошли только после полудня. У переправы колонна остановилась. Река в это время года была широкой и шибко студеной. Первыми на другой берег отправили передовых дозорных, затем начали переправлять остальных.

Переправа заняла несколько часов. Паром ходил от берега к берегу почти без остановки, но возле причала все равно скопились люди, кони и телеги. Лошади беспокоились, храпели и пятились при виде воды. Несколько раз подводы приходилось полностью разгружать, чтобы паром не оседал слишком глубоко.

Эпов переправился одним из первых и командовал на противоположном берегу. Овсянников остался у причала следить за очередностью, а Сухотин не покинул прежний берег, пока через реку не перевезли последнюю подводу и тыловой разъезд.

К вечеру колонна снова собралась и двинулась дальше, но прежнего темпа держать уже не получалось. Люди устали, кони выбились из сил, а до Гленовской оставалось еще несколько верст.

В станицу вошли в сумерках, проведя в пути почти двенадцать часов. Гленовские урядники ожидали колонну и заранее приготовили места для постоя. Старших разобрали члены станичного правления, реестровых казаков разошлись по дворам родственников, друзей, сослуживцев, команды приготовительного разряда разместили в сенных сараях. Часть людей осталась при обозе.

Вечеряли поздно и почти молча. Казаки наскоро поели, проверили оружие и улеглись, зная, что подъем будет еще до рассвета.

На следующий день мы покинули Гленовскую. Дорога стала заметно лучше. Заболоченные низины попадались все реже, тракт вышел на более сухую и открытую местность, и колонна пошла быстрее. Передовой дозор по-прежнему держался далеко впереди, зато подводы уже так часто не задерживали всех.

Ближе к вечеру, на подступах к Казакевичевой, нас встретил десяток казаков. Впереди на гнедом жеребце сидел окружной атаман, войсковой старшина Иван Федорович Аникин.

Передовой дозор первым подошел к встречавшим. После короткого доклада казакевичевский урядник поскакал навстречу нашей колонне. Эпов выслушал его, приказал подтянуть отставшие подводы и вместе с Овсянниковым и Сухотиным направился к Аникину.

Пока старшие совещались и расспрашивали друг друга о дороге, в колонне проверяли обоз, осматривали колеса и упряжь. После переправы через Хор несколько телег требовали починки.

Совет продолжался недолго. Аникин был старше Эпова по чину, поэтому с момента соединения команд общее управление переходило к нему. Эпов, Сухотин и другие начальники сохраняли руководство своими людьми, но должны были выполнять распоряжения войскового старшины.

Вскоре Аникин и Эпов проехали вдоль строя. Разговоры стихли.

— Слушай приказ! — громко объявил Аникин. — С этой минуты общее командование сводным отрядом принимаю на себя. Нынче становимся на ночлег в Казакевичевой. Завтра после утренней поверки выступаем в Хабаровку. Казакевичевская команда пойдет в голове колонны. Козловские займут середину и прикроют обоз. Платоно-Александровская команда поступает в тыловое охранение.

Объединенная колонна двинулась к станице. До Казакевичевой оставалось несколько верст, но после двухдневного пути и переправы через Хор даже это расстояние казалось немалым.

Дорога снова стала тяжелее. Колеи глубоко промерзли, колеса подвод то и дело застревали. На мостках через небольшие притоки лежала наледь. Казаки спешивались, брали лошадей под уздцы и проводили по одной, чтобы не поскользнулись.

К вечеру впереди показалась Казакевичева. Над крышами поднимался дым, а на берегу лежало несколько десятков перевернутых кверху дном лодок.

До Хабаровки от Казакевичевой оставалось уже недалеко. Первые версты тракт был таким же пустынным, как прежде, но чем ближе подходили к городу, тем оживленнее становилась дорога.

Сначала нас обогнала почтовая тройка.

Следом навстречу потянулись армейские повозки с провизией, одна даже под охраной отделения солдат во главе с унтером.

Дальше встречались торговцы, обозы, артели рабочих с лопатами и кирками. У дороги все чаще попадались рубленые дома, заимки и склады. Меж деревьями поблескивала река, а над дальним горизонтом поднимались клубы черного дыма. Где-то на Амуре и Уссури пароходы, видать, совершали последние рейсы перед ледоставом.

— Хабаровка, — негромко сказал Прохор, вытягивая шею.

За несколько верст над колонной прокатилось:

— Стой! Осадить! Всем оставаться на местах!

Старшие съехались к голове колонны. После короткого совета распоряжения разнеслись по строю. Казаки спешивались, подтягивали подпруги, поправляли чекмени и ремни. Все лишнее убирали на подводы. Кто-то чистил сапоги, кто-то счищал грязь с лошадиных ног.

Знаменосцы-хорунжие сняли чехлы, и на холодном ветру над строем взвились окружные знамена.

Вернулся передовой дозор и разошелся по своим частям. Семен подвел лошадь к обочине, наскоро счистил с ее ног налипшую грязь, пригладил мокрую гриву и только после этого занял место среди лончаковских.

— Ну как дорога? — спросил я, когда Рыжий оказался рядом.

— До самой Хабаровки было чисто, — ответил он, поправляя папаху. — Только народу впереди, словно на ярмарке. Гляди теперь, Андрюха, не заблудись там.

— Ничего. Если потеряюсь, буду твою рыжую башку в толпе искать!

— Ну ты чудной, — расплылся в улыбке Сема. — Я же в папахе!

— По коням! Равнение держать! — прогремела команда.

Колонна тронулась уже парадным порядком. Впереди шли старшие, за ними знаменосцы и реестровые казаки. Окружные части держали строй с равными промежутками, и со стороны весь отряд казался единым войском.

Хабаровка открылась за подъемом. На высоком берегу стояли длинные ряды домов, казармы, склады и казенные здания. Над крышами чадили печные трубы, у реки темнели мачты и силуэты пароходов.

Сотни подков разом зазвенели по промерзшей дороге. Горожане останавливались на обочинах. Бабы крестились, мастеровые снимали шапки. Мальчишки бежали рядом с колонной, считали казаков и пытались угадать, кто откуда прибыл.

Я огляделся, насколько позволял строй. Еще недавно каждая команда держалась особняком и подначивала соседей по поводу и без. Теперь же все мы шли одним строем.

В Хабаровку входили части нового Уссурийского казачьего войска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.